

Но нет тебя! Ночной чертог
стал как огромный скорби храм,
звон погребальный слышен там.
И я так жутко одинок!
На берег моря я влекусь
в надежде, что бескрайность вод
мою развеять сможет грусть.
Но там, во мрачной глубине,
далекий голос мнится мне:
Зачем же, почему мы врозь?
Везде и всюду я один,
а ведь с тобой весь мир был мой!
Лишь только боль в моей груди,
Ведь все, что было, все ушло:
жизнь обернулась пустотой,
и впредь не будет ничего.*

* *Перевод Г. Ю. Шульги.*



ОБНАРУЖЕНИЕ РУКОПИСИ

На самом западе Ирландии лежит крохотная деревушка Крейтен. Она расположена у основания невысокого холма. Далеко вокруг простирается унылая, невозделанная и совершенно неприветливая земля; кое-где на большом расстоянии можно обнаружить развалины какого-нибудь давно покинутого дома — нетронутые и застывшие. Земля кругом голая и безлюдная, слой почвы едва прикрывает лежащую ниже скальную породу. Единственно, чем богаты здешние края, это воздымающимися волнистыми грядами гор.

Но, несмотря на запустение здешних мест, мой друг Тоннисон и я выбрали именно ее, чтобы провести отпуск. Тоннисон случайно забрел сюда во время длительного пешего похода и обнаружил, какие возможности для рыболова кроются в маленькой безымянной речке, протекающей неподалеку от деревни.

Я сказал, что река безымянная; могу добавить, что ни на одной карте, какую бы я с тех пор ни смотрел, не обнаружилось ни этой деревни, ни речки. Такое впечатление, что они ускользнули от какого бы то ни было наблюдения: судя по обычному путеводителю, их могло бы не существовать вовсе. Возможно, это в какой-то мере связано с тем, что ближайшая железнодорожная станция Ардрахан находится в сорока милях отсюда.

Мы с другом прибыли в Крейтен теплым ранним вечером. До Ардрахана мы добрались накануне ночью, переночевали в снятых на деревенской почте комнатах и уехали на следующее утро в одном из типичных прогулочных автомобилей.

Весь день мы тряслись по одной из самых неровных дорог, какие только можно себе представить, в результате чего устали и были в плохом настроении. Однако необходимо было поставить палатку и убрать в нее наши вещи, а уж потом думать о еде или отдыхе. Мы принялись за работу с помощью шофера, и вскоре палатка уже стояла за маленькой деревушкой на небольшом клочке земли поблизости от реки.

Затем, перенеся в нее свои вещи, мы отпустили шофера, так как ему нужно было вернуться как можно скорее, предварительно уговорившись с ним, что он приедет за нами через две недели. Мы взяли с собой достаточно провизии, чтобы продержаться столько времени, а воду можно было брать из речки. В топливе мы не нуждались, поскольку взяли с собой небольшой примус, а погода стояла ясная и теплая.

Это Тоннисону пришла в голову мысль стать лагере-
рем, а не селиться в одном из домов. Как он объяснил,
небольшое удовольствие — спать в одном помещении
с многочисленным ирландским семейством в одном
углу и хлебом в другом, в то время как еще более мно-
гочисленная колония забравшихся повыше кур одаря-
ет вас знаками своего расположения, а весь дом на-
столько пропах торфом, что начинаешь чихать, как
только сунешь голову в дверь.

Тоннисон уже зажег примус и теперь тонкими ломти-
ками нарезал бекон на сковороду, поэтому я взял чай-
ник и пошел к реке за водой. По пути я прошел доволь-
но близко от небольшой группы жителей деревни,
которые глядели на меня с любопытством, но без враж-
дебности, никто из них не произнес ни слова.

Возвращаясь с полным чайником, я снова прошел
мимо них и, дружески кивнув, на что они ответили
тем же, задал им вопрос относительно рыбной ловли,
но вместо того, чтобы ответить, они молча покачали
головами, продолжая смотреть на меня во все глаза.
Я повторил вопрос, обращаясь к высокому худому пар-
ню, но и тут не получил ответа. Затем этот человек по-
вернулся к приятелю, стоявшему рядом, и быстро ска-
зал что-то на непонятном для меня языке, и сразу все
начали тараторить. Через несколько секунд я понял,
что они говорят по-ирландски. Они посматривали
на меня, разговаривая между собой, затем человек,
к которому я обращался, повернулся ко мне и что-то
произнес. По выражению его лица я понял, что теперь
он, в свою очередь, задает мне вопрос. Пришла моя

очередь отрицательно качать головой и объяснять знаками, что мне непонятна их речь. Так мы и стояли, глядя друг на друга, пока я не услышал голос Тоннисона, призывавшего меня поторопиться с чайником. Тогда, улыбнувшись и покивав, я оставил их, и вся небольшая группка заулыбалась и закивала в ответ, хотя лица их по-прежнему оставались недоуменными.

Очевидно, размышляя я, направляясь к палатке, обитатели домишек в этой дикой местности не понимают ни слова по-английски. Когда я сообщил об этом Тоннисону, он заметил, что знал об этом, более того, не видел в этом ничего странного, ведь в этой части страны люди зачастую живут и умирают в своих отдаленных деревушках, так ни разу и не соприкоснувшись с внешним миром.

— Жаль, что мы не попросили шофера побыть нашим переводчиком, — сказал я, когда мы сели есть. — Нелепо как-то, что здешние люди даже не будут знать, зачем мы приехали.

Тоннисон хмыкнул в знак согласия, и мы снова замолчали.

Позже, удовлетворив свой аппетит, мы принялись беседовать, строя планы на завтра. Затем, покурив, закрыли вход в палатку и приготовились ко сну.

— Думаю, что местные жители ничего у нас не возьмут, — заметил я, заворачиваясь в одеяло.

Тоннисон ответил, что тоже так думает, во всяком случае, не возьмут, пока мы поблизости, и объяснил, что мы можем запереть все, кроме самой палатки, в большой сундук, который привезли с собой, чтобы

держат в нем провизию. Я согласился, и вскоре мы оба уснули.

На следующее утро мы встали рано и пошли поплавать в реке. Одевшись и позавтракав, мы вытащили рыболовные снасти и, тщательно осмотрев их и заперев в сундук свои вещи, двинулись в том направлении, которое мой друг разведal в свой предыдущий визит.

Целый день мы удачно рыбачили, пройдя вверх по течению, и к вечеру плетеная корзина была наполнена прекрасной рыбой, какой я давно не видел. На обратном пути мы отлично поели и, оставив несколько хороших рыбин на завтрак, отдали остаток улова деревенским жителям, которые собрались и с почтительного расстояния наблюдали за нашими действиями. Они были необыкновенно благодарны и призвали, как я полагаю, множество ирландских благословений на наши головы.

Так мы провели несколько дней, наслаждаясь превосходной рыбалкой и первоклассным аппетитом, который служил оправданием нашей добыче. Мы с радостью обнаружили, что жители деревни относятся к нам дружелюбно и что никто не роется в вещах во время нашего отсутствия.

Мы приехали в Крейтен во вторник и, скорее всего в воскресенье, совершили неожиданное открытие. До сих пор мы всегда поднимались вверх по течению, а в этот раз, отложив удочки и взяв с собой провизию, отправились на длительную прогулку в противоположном направлении. День был теплым, мы шли не спеша, а около полудня съели ланч, расположившись

на большом плоском камне неподалеку от воды. Потом, покулив, возобновили нашу прогулку.

Мы прошли еще примерно час, неспешно и с удовольствием разговаривая о том и о сем, несколько раз останавливались, чтобы мой сотоварищ — в некотором роде художник — сделал наброски поразивших его деталей девственного ландшафта. И вдруг, без какого бы то ни было предупреждения, река, вдоль которой мы так уверенно следовали, внезапно оборвалась — исчезла в земле.

— Бог мой! — воскликнул я. — Кто бы мог подумать!

Я смотрел в изумлении, затем повернулся к Тоннисону. Он с озадаченным видом разглядывал место, где река исчезала.

Через минуту он предложил:

— Давай пройдем еще немного, возможно, река появится снова. Во всяком случае, стоит поискать.

Я согласился, и мы еще прошли вперед, хотя довольно бесцельно, потому что не представляли себе, в каком направлении вести поиск. Мы прошли еще с милю, потом Тоннисон, который с интересом осматривался вокруг, остановился и приложил ладонь козырьком ко лбу.

— Смотри, — сказал он, обозрев окрестность, — вон что-то похожее на туман или дымку, там, справа, на уровне вот того большого камня, — и показал рукой где.

Мне показалось, что я тоже что-то вижу, но уверенности у меня не было, так я и сказал.

— Во всяком случае, — отозвался мой друг, — по-
дойдем и посмотрим.

И он пошел в ту сторону, куда показывал. Я последовал за ним.

Через минуту мы уже пробирались сквозь кусты, а спустя некоторое время оказались на высоком, покрытом валунами берегу, откуда открывался вид вниз, на густые заросли деревьев и кустарников.

— Похоже, мы набрали на оазис в этой каменной пустыне, — пробормотал Тоннисон, с интересом разглядывая открывшийся нам пейзаж.

Потом он долго молча всматривался во что-то, я посмотрел туда же: примерно в центре низины, поросшей лесом, в неподвижном воздухе вздымался вверх высокий столб брызг, над которым сияло солнце, создавая бесчисленные радуги.

— Как красиво! — воскликнул я.

— Да, — задумчиво откликнулся Тоннисон. — Там, должно быть, водопад или что-то в этом роде. Возможно, там снова появится на свет наша река. Пойдем, посмотрим.

Мы спустились вниз по пологому склону и вошли в заросли деревьев и кустарников — ветви одних нависали сверху, ветви других переплетались между собой. Все выглядело мрачным, хотя было не настолько темно, чтобы не разглядеть, что большинство деревьев фруктовые, кое-где были заметны почти стершиеся следы давнего ухода за ними. И я понял, что мы идем по огромному старому запущенному саду. Я поделился этой догадкой с Тоннисоном, и он согласился, что

для моего предположения есть основания. Какое это было дикое, мрачное и безрадостное место! По мере того как мы продвигались вперед, я все больше ощущал тихое одиночество и заброшенность старого сада. Меня начала бить дрожь. За спутанными ветками кустов мне мерещились страшные звери, в самом воздухе ощущалось нечто жуткое. Думаю, Тоннисон испытывал те же чувства, но молчал.

Вдруг мы остановились. Из-за растущих вокруг деревьев до нас донесся отдаленный шум. Тоннисон подался вперед, прислушиваясь. Теперь я слышал более отчетливо: непрерывный звук, похожий на жужжание, доносился, казалось, откуда-то издалека. Я ощутил неясный страх. Что же это за место? Куда мы попали? Я посмотрел на своего товарища, пытаюсь понять, что он об этом думает, но увидел на его лице лишь растерянность. Пока я наблюдал за ним, растерянность сменилась пониманием, и, кивнув, он уверенно сказал:

— Это водопад. Я узнал этот звук.

И он стал решительно пробираться сквозь кусты по направлению звука.

По мере того как мы продвигались вперед, шум делался все отчетливее, это значило, что мы идем прямо к источнику звука. Вскоре он стал настолько громким, что казалось, как я заметил Тоннисону, идет прямо из-под ног, — а мы все еще были среди леса и зарослей кустарников.

— Осторожнее! — крикнул Тоннисон. — Смотри под ноги.

И тут вдруг мы вышли на большое открытое пространство, а шагах в пяти от нас зияла глубокая пропасть, шум поднимался из ее глубин вместе с брызгами, похожими на туман, который мы видели с вершины отдаленного берега.

С минуту мы стояли молча, удивленно оглядываясь, затем мой друг осторожно шагнул вперед, к краю пропасти. Я последовал за ним. Мы вместе посмотрели вниз, сквозь завесу брызг, и увидели мощный пенистый водопад. Вода кипела, била струями из стенки пропасти футах в ста под нами.

— Боже мой! — воскликнул Тоннисон.

Я застыл в благоговейном молчании. Неожиданно открывшееся нам зрелище было величественно и ужасно, впрочем, ужас я ощутил несколько позже.

Я поглядел на другую сторону пропасти. Там, за завесой брызг, возвышалось нечто похожее на останки какого-то строения. Я тронул Тоннисона за плечо. Он мгновенно обернулся, и я показал ему на нагромождение камней. Как только он увидел их, глаза его загорелись.

— Пошли вперед, — крикнул он, перекрывая шум. — Нужно посмотреть, что это. Место какое-то странное...

И двинулся вперед по краю пропасти, видом напоминавшей кратер. Подойдя ближе, я увидел, что не ошибся. Это, несомненно, была часть какого-то разрушенного здания, но сейчас я понял, что оно стояло не на краю пропасти, как мне сначала показалось, а почти на самом конце большого отрога скалы, выступавшего на пятьдесят-шестьдесят футов над пропастью. То есть руины буквально висели в воздухе.

Пройдя мимо них, мы оказались на самом краю выступа, и, должен признаться, поглядев вниз, в неведомые глубины под нами — в глубины, откуда раздавался грохот водопада и подымалась завеса брызг, — я ощутил невыносимый ужас.

Приблизившись к развалинам, мы осторожно обошли их вокруг и увидели кучу камней у дальней стороны. Эти останки, решил я, рассмотрев их как следует, представляют собой часть наружной стены огромного здания, толстой и крепкой. Непонятно только, каким образом она здесь оказалась. И где остальная часть дома, или замка, как бы ни называть это сооружение?

Я вернулся к стене и вышел на край пропасти, оставив Тоннисона, который методично рылся в гряде камней и шепок у внешней стороны стены. Здесь я начал изучать поверхность почвы у обрыва, чтобы понять, не осталось ли от здания что-нибудь еще, кроме этих развалин. Внимательнейшим образом рассмотрев землю, я не нашел никаких признаков того, что здесь когда-то стоял дом, и это привело меня в еще большее недоумение.

Тут я услышал крик Тоннисона, который взволнованно звал меня, и я поспешил по скалистому выступу к развалинам. Сначала я испугался, что он поранился, но потом решил, что он что-то обнаружил.

Добравшись до разрушенной стены, я перелез через нее. Тоннисон стоял над небольшой ямой, выкопанной в мусоре, и стряхивал грязь с предмета, напоминавшего

ветхую и разодранную книгу. Каждые несколько секунд он выкрикивал мое имя. Увидев, что я рядом, он вручил мне свою добычу, велел положить в рюкзак, чтобы она не отсырела, пока он продолжает раскопки. Я так и сделал, но сначала перелистал страницы и отметил, что они густо исписаны четким старомодным почерком, впрочем вполне читаемым, за исключением десятка испачканных и смятых страниц. От Тоннисона я узнал, что он нашел ее раскрытой, а повреждения, вероятнее всего, объяснялись падением обломков кладки. Удивительно, но книжка не промокла. Я объяснил себе это тем, что она была погребена под толстым слоем щебня.

Спрятав книгу, я предложил Тоннисону помощь в его добровольно взятых на себя раскопках, но, хотя мы целый час трудились, переворачивая валявшиеся кучей камни и мусор, не нашли ничего, кроме отдельных деревянных планок, которые могли быть фрагментами стола, возможно письменного. Мы прекратили поиски и вернулись по скалам на безопасное место.

Потом мы обошли со всех сторон огромную пропасть и выяснили, что она была идеально круглой, если не считать увенчанного развалинами выступа, нарушавшего симметрию.

По определению Тоннисона, пропасть являлась не чем иным, как гигантским колодцем или ямой, уходящей отвесно вниз, в недра земли.

Какое-то время мы продолжали осматриваться вокруг и, заметив прогалину в зарослях к северу от пропасти, направились туда.

Отдалившись от жерла на несколько сотен ярдов, мы набрали на большое озеро с неподвижной поверхностью — только в одном месте вода постоянно бурлила и пузырилась.

Теперь, вдали от шума водопада, мы могли говорить спокойно, не стараясь перекрыть грохот падающей воды. Я спросил Тоннисона, как ему это место, и признался, что мне оно не нравится и что чем скорее мы его покинем, тем лучше.

Он согласно кивнул и украдкой бросил взгляд на лес позади нас. Неужели что-то увидел? Но он только молча прислушивался. Я тоже смолк.

— Чу! — вдруг резко сказал он.

Я посмотрел на него и перевел взгляд на лес, невольно задержав дыхание. Минута прошла в напряженном молчании. Я ничего не услышал и повернулся к Тоннисону, чтобы сообщить ему об этом, но только открыл рот, как из леса, слева от нас, раздался странный звук, напоминающий вой... Казалось, он пролетел среди деревьев, оставив только шелест листьев, и все стихло.

Тронув меня за плечо, Тоннисон сказал:

— Пойдем отсюда, — и медленно пошел туда, где среди кустов и деревьев намечался просвет.

Я последовал за ним и только теперь осознал, что солнце уже низко, а в воздухе явно чувствуется прохлада.

Тоннисон ровным шагом шел впереди. Мы были в лесу, и я беспокойно оглядывался, но ничего не видел, кроме неподвижных стволов, ветвей и зарослей кустов. Мы продвигались вперед, кругом стояла тишина,

только время от времени раздавался треск ветки под ногой. Но, несмотря на тишину, у меня было жуткое ощущение, что мы здесь не одни. Я держался к Тоннисону поближе, так что раз или два наступил ему на пятки, на что тот не сказал ни слова. Вскоре мы достигли опушки леса и наконец вышли на каменистую равнину. Только теперь я сумел отделаться от страха, преследовавшего меня в лесу.

Когда мы уже отошли довольно далеко, до нас вновь донесся отдаленный вой. Я сказал себе, что это ветер — но вечерний воздух был недвижим.

Тут Тоннисон заговорил.

— Знаешь, — сказал он решительно, — я бы не остался в этих местах на ночь ни за какие сокровища мира. Тут какая-то чертовщина. Я вдруг понял это, когда ты кончил говорить. Кажется, этот лес полон всякой нечисти.

— Да, — ответил я и оглянулся, но лес уже скрылся за холмом.

Потом добавил:

— Зато у нас есть книжка, — и сунул руку в рюкзак.

— Ты не повредил ее? — озабоченно спросил Тоннисон.

— Нет.

— Возможно, — продолжал он, — мы что-нибудь узнаем из нее, когда вернемся в палатку. Надо торопиться, впереди еще долгий путь, и мне вовсе не хочется, чтобы нас здесь застигла темнота.

Часа через два мы добрались до палатки и сразу же принялись готовить: последний раз мы ели в полдень.



Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

